
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КВЕБЕКЦЕВ

К.Э. Болотина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В данной статье предпринята попытка лингвокультурологического анализа прецедентных феноменов квебекской культуры как составляющих когнитивной базы квебекцев. Прецедентные феномены как явления национальной культуры являются одним из центральных вопросов современной лингвистики и когнитивистики. Под прецедентными феноменами мы, вслед за Ю.Е. Прохоровым, понимаем единицы, вербализация которых в речи отсылает к некому факту культуры, стоящему за ними. В данной работе рассматриваются такие прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Основные положения теории прецедентности (Ю.Н. Караулов, Ю.Е. Прохоров, В.В. Красных, В.Г. Костомаров, Д.Б. Гудков) заложены в основу исследований прецедентности на материале различных национальных языков. Однако комплексный анализ прецедентных феноменов на материале квебекского национального варианта французского языка в отечественной лингвистике предпринят впервые. Рассмотрение прецедентных феноменов позволяет не только выявить особенности их функционирования в этноспецифическом дискурсе, но и определить культурные доминанты в языковой картине мира жителей провинции. В связи с тем, что данная работа ограничена определенным регламентом, мы остановились на анализе восьми прецедентных для носителей квебекской лингвокультуры феноменов. При отборе учитывалась частотность их воспроизведения в этноспецифическом дискурсе. Рассмотренные явления носят национальный характер, т.е. известны всем представителям квебекского лингвокультурного сообщества. За каждым феноменом, представленным в данной статье, стоит значимое культурное явление. Таким образом, для полноты лингвокультурологического анализа отобранных феноменов нами был предпринят анализ исторического, политического и культурного контекстов исследуемых прецедентных явлений. Данное исследование позволило выявить дифференциальные признаки, заложенные в ядре каждого из рассматриваемых нами феноменов. Выводы, сделанные нами, подкреплялись иллюстративным материалом, извлеченным из квебекских художественных и медийных текстов. Предпринятый в данной статье анализ прецедентных феноменов позволил в определенной степени реконструировать квебекское культурное пространство и явился шагом на пути к реконструкции языковой картины мира жителей провинции.

Ключевые слова: прецедентный феномен, когнитивная база, этноспецифический дискурс, языковая картина мира, квебекский национальный вариант французского языка.

1. ВВЕДЕНИЕ

Языковая картина мира (ЯКМ) — один из актуальных и интереснейших предметов исследования современной лингвистики. Понятие ЯКМ восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который утверждал, что «различные языки по сути своей, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [2. С. 370].

Многие современные исследования также фокусируются на вопросе, какое влияние оказывает язык на восприятие окружающего мира.

Отвечая на данный вопрос, американский ученый в области когнитивистики Лера Бородитски пишет: «*Language can be a powerful tool for shaping abstract thought. When sensory information is scarce or inconclusive (as with the direction of*

motion of time), languages may play the most important role in shaping how their speakers think» («Язык может быть мощным инструментом формирования абстрактной мысли. Когда информация, получаемая через органы чувств, оказывается недостаточной или неубедительной (как в случае направления движения времени), языки могут играть наиважнейшую роль в определении того, как говорящие мыслят» (здесь и далее перевод наш. — К.Б.) [13. С. 20], утверждая, таким образом, что носители разных языков могут иметь больше различий в концептуализации мира, чем представлялось ранее.

ЯКМ является определенным способом фиксации знания и представлений об окружающей действительности. Рассматривая вслед за О.С. Чесноковой ЯКМ как «один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный» [9. С. 28], нам представляется важным изучить прецедентные феномены с целью выявить составляющие ЯКМ квебекцев.

Исследование прецедентности является актуальным направлением современной научной мысли. Под прецедентными феноменами нами понимаются единицы лингвистического и когнитивного плана, актуализация которых в дискурсе апеллирует к некому факту культуры, который за ними стоит.

Одним из наиболее спорных моментов теории прецедентности является вопрос о подразделении прецедентных феноменов на видовые понятия. Возможно ли четкое разграничение явлений, носящих прецедентный характер, на виды? Во всех ли ситуациях можно однозначно сказать, феномен какого порядка нам представлен?

Для анализа нами были отобраны восемь прецедентных феноменов как когнитивного, так и лингвистического плана. Критерием отбора послужила частотность их воспроизведения и/или актуализации в этноспецифическом дискурсе Квебека.

На основании анализа материала исследования мы попытаемся обосновать гипотезу о тесной взаимосвязи прецедентных феноменов, объединенных неким общим фактом культуры и, таким образом, необходимость анализа исторического, экономического и культурного контекстов.

Цель представленного исследования — доказать значимость комплексного анализа прецедентных феноменов в языковой картине мира представителей одного лингвокультурного сообщества.

Квебек является крупнейшей франкоговорящей провинцией Канады и имеет богатую культуру и историю. Ключевые исторические моменты и доминантные культурные ценности, безусловно, нашли отражение во французском языке провинции. Именно на материале квебекского национального варианта французского языка мы будем рассматривать прецедентные феномены как конгломерат особого культурного знания и особое информационное поле.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие «прецедентности» активно используется в современных лингвистических исследованиях, посвященных актуальным проблемам межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики. Формированию понятийного аппа-

рата теории «прецедентности» в лингвистике и сопряженных с ней науках способствовало введение в 1987 г. видным отечественным лингвистом Ю.Н. Карауловым понятия «прецедентный текст». Под прецедентным текстом (ПТ) ученый понимает, в первую очередь, текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, во-вторых, носящий сверхличностный характер, т.е. хорошо знакомый всем представителям одного лингвокультурного сообщества, в-третьих, апелляция к которому постоянно возобновляется в дискурсе [4. С. 216].

Отметим, что Ю.Н. Караулов достаточно широко понимает «текст», и во многом его мысли созвучны пониманию Ю.М. Лотманом текста как культуры. Ю.М. Лотман выдвигал тезис о тексте не как высказывании или «реализации сообщения» на каком-либо одном языке, а как продукт двойной кодировки. Чтобы стать текстом, высказывание на естественном языке, по мнению ученого, должно пройти кодировку вторичным языком — языком определенного искусства, чью оболочку оно принимает, превращаясь в «ритуальную формулу» [7].

Именно из такого широкого толкования понятия «текст», на наш взгляд, логично вытекают выделяемые Ю.Н. Карауловым способы существования ПТ в том или ином лингвокультурном сообществе:

- 1) *натуральный* — текст как прямой объект восприятия;
- 2) *вторичный* — перекодировка текста языком другого искусства;
- 3) *семиотический* — апелляция к тексту через символы, с ним связанные [4. С. 217].

Развивая идеи Ю.Н. Караулова, известный отечественный русист Ю.Е. Прохоров выделяет следующие способы существования ПТ: прецедентное именование, прецедентную цитацию, прецедентную аллюзию и прецедентную реминисценцию. Ученый определяет прецедентные феномены (способы существования ПТ) как «те вербализуемые в коммуникации единицы, реализация которых влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ним стоит» [8. С. 153]. Прецедентные феномены выступают, таким образом, в роли символов, посредством которых происходит апелляция к некому тексту (в широком смысле), известному всем представителям одного лингвокультурного сообщества.

В данной работе мы будем придерживаться иной классификации ПФ, однако данное Ю.Е. Прохоровым определение кажется нам наиболее удачным из всех, предложенных на настоящий момент, и именно его мы будем подразумевать, говоря о прецедентных феноменах как таковых.

Несколько отличную точку зрения на прецедентный текст, в частности, и прецедентные феномены в целом, принимают участники семинара «Текст и коммуникация» [1; 3; 6].

Термин «прецедентный феномен» был введен в 1997 г. известным отечественным русистом В.В. Красных. В данное понятие ученый вкладывает смысл, который некогда дал Ю.Н. Караулов термину «прецедентный текст». Под прецедентными феноменами (ПФ) В.В. Красных понимает феномены «1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелля-

ция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [6. С. 58].

Такая замена одного означающего другим вытекает из разного толкования понятия текста как такого. Участники семинара сужают смысл термина «текст», делая его видовым понятием по отношению к родовому — «феномен». Нам кажется вполне оправданной такая подмена понятий, и мы, вслед за В.В. Красных, под ПТ будем понимать «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6. С. 68].

Помимо ПТ участники семинара относят к ПФ такие понятия, как прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентная ситуация (ПС). Как отмечает Ю.Е. Прохоров, «все названные феномены тесно взаимосвязаны. При актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких других прецедентных феноменов, связанные общностью происхождения, они могут выступать как символы друг друга» [8. С. 152].

Уточним, что, если придерживаться терминологии, предложенной участниками семинара «Текст и коммуникация», не все ПФ могут выступать в роли символов, актуализируя другие. Феномены лингвистического плана, к которым относятся прецедентные имена и прецедентные высказывания, могут апеллировать к другим феноменам — феноменам когнитивного плана — прецедентным текстам и прецедентным ситуациям. Поясним сказанное.

Вышеперечисленные феномены различаются способами существования и функционирования в том или ином лингвокультурном сообществе. Феномены лингвистического плана являются вербальными феноменами, и они хранятся в нашей памяти в том виде, в котором они воспроизводимы в речи. Феномены когнитивного плана, однако, вне зависимости от того, являются ли они вербальными или нет, фиксируются в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Так, например, «Война и мир» Л.Н. Толстого, безусловно, является прецедентным текстом для представителей русской лингвокультуры. Однако сложно себе представить, что данный текст хранится в памяти каждого носителя в полном объеме, т.е. более чем тысяча страниц текста. И апелляция к тексту происходит не путем его полного воспроизведения, а через (прецедентные) имена или высказывания, связанные с ним.

Прецедентная ситуация является когнитивным невербальным феноменом и также фиксирована в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Ситуация актуализируется в большинстве случаев посредством ее вербализации или использования прецедентных имен, которые связаны с ней. Симптоматичным примером может служить упоминание Иуды в ситуациях, связанных с предательством. Ситуация предательства Христа Иудой, знакомая всем представителям христианской веры, выступает «эталоном» всех последующих ситуаций предательства. Из данного примера логично вытекает определение ПС как «некой «эталонной», «идеальной» ситуации, связанной с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [6. С. 47].

Таким образом, нами были представлены определения феноменов когнитивного плана, входящих в разряд прецедентных. Остановимся на определениях ПФ лингвистического плана.

Первым после ПТ закрепившимся в понятийном аппарате словообразовательным дериватом термина «прецедентность» стало понятие «прецедентное высказывание», введенное в 1994 г. отечественными лингвистами В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой. Ученые, развивая идеи Ю.Н. Караулова о способах функционирования ПТ в лингвокультуре, рассматривают ПВ как результат «текстовой редукции».

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова выдвигают тезис о том, что за каждым ПВ стоит некий (прецедентный) текст или ситуация. С данным утверждением сложно не согласиться, однако особо подчеркнем, что, на наш взгляд, причисление высказывания или фразы к разряду прецедентных логично в случае наблюдения максимального «отрыва» высказывания от текста или ситуации, в которой это высказывание было произведено.

Если развертывание смысла, заложенного в высказывании, возможно без отсылки к контексту его порождения, то можно говорить о ПВ как отдельном виде ПФ. Если же актуализация высказывания осуществима только при условии понимания исходного контекста, то стоит говорить не о собственно прецедентном высказывании, а способе существования и функционирования прецедентного феномена когнитивного плана посредством высказывания.

Таким образом, уточним определение, предложенное В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой: ПВ — самодостаточная единица, смысл которой «не всегда выводится из суммы смыслов составляющих ее слов» [5. С. 76], и для понимания которого необязательна актуализация исходного контекста.

Другим лингвистическим феноменом, входящим в разряд прецедентных, является «прецедентное имя». В данной работе, вслед за отечественным лингвистом Д.Б. Гудковым, под ПИ мы будем понимать «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., Обломов, Тарас Бульба) или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр., Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов)» [1. С. 108].

Важно подчеркнуть, что для функционирования в качестве прецедентного имя должно обладать рядом дифференциальных признаков, которые и будут актуализироваться в дискурсе.

Как мы уже отмечали ранее, феномены когнитивного плана (ПС и ПТ) функционируют в дискурсе представителей того или иного лингвокультурного сообщества отличным от феноменов лингвистического плана образом. Вне зависимости от того, являются ли они вербальными или невербальными, их актуализация в дискурсе чаще всего осуществляется при помощи использования (прецедентных) имен и/или высказываний, связанных с ними, что и является своего рода вербализацией. Тем самым объясняется тесная связь между всеми видами ПФ. Часто

актуализация одного из них в дискурсе апеллирует и отсылает к другим феноменам, с ним связанным.

Подводя итог всему вышесказанному, нам видится логичным рассматривать не каждый прецедентный феномен в лингвокультуре квебекцев по отдельности, а подразделить их на две группы: вербальные и вербализуемые феномены. К вербальным феноменам относятся ПФ лингвистического плана (ПИ и ПВ). К вербализуемым — феномены когнитивного плана (ПТ и ПС).

Оговоримся, что ПТ, безусловно, по своей сути является вербальным феноменом. Тем не менее, как мы отмечали ранее, он хранится в памяти в виде инварианта восприятия. Таким образом, для его актуализации в дискурсе необходима вербализация данного инварианта. Этот факт позволяет нам отнести ПТ к группе вербализуемых ПФ.

3. ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КВЕБЕКЦЕВ

Согласно определению прецедентных феноменов, приведенному ранее, за каждым прецедентным феноменом стоит некий факт, известный всем представителям лингвокультурного сообщества. В данном разделе мы попытаемся понять, какие факты стоят за ПИ и ПВ, реализуемыми в дискурсе носителей квебекской лингвокультуры.

К числу прецедентных имен в квебекском лингвокультурном сообществе нам кажется возможным отнести как ряд реалионимов, так и мифонимов.

Рассмотрим отдельные ПИ с реалионимами. О возможности отнести имена тех или иных выдающихся личностей провинции к категории «прецедентных» мы судили по вхождению этих имен в устойчивые выражения и/или по наличию у них словообразовательных дериватов.

Безусловно прецедентным для квебекцев является имя Мориса Дюплесси (*Maurice Duplessis*), премьер-министра провинции Квебек (1936—1939).

Морис Дюплесси известен своей авторитарностью, в связи с чем годы его правления известны как период «Большой тьмы» (*Grand Noirceur*), что, в свою очередь, образует другое прецедентное явление. Именно его властный и непреклонный характер является одним из дифференциальных признаков, составляющих ядро данного ПИ.

Имя Мориса Дюплесси часто встречается в художественном дискурсе Квебека. Приведем пример из романа современного квебекского автора Микаэля Делиля (*Michael Delisle*) «Lefeudemonpère». Писатель рассказывает историю своей семьи. Его дедушка Гормизд Делиль (*Hormisdas Delisle*) был одним из министров в годы правления Дюплесси (*sous la règne de Duplessis*).

В 50-е гг. XX в. был крайне популярен стиль политической карикатуры. Депутатов партии «Национальный союз» (*L'Union nationale*), во главе которой стоял Морис Дюплесси, старались изобразить как «марионеток на службе у диктатора» (*des fantoches au service de leur cheuf*) [15]. Интересно, что слово *cheuf* используется либо как апеллиант к ПИ Мориса Дюплесси, либо для обозначения человека, занимающего управляющую должность и имеющего авторитарный характер.

Приведем пример из медийного дискурса: *Or, cesontplutôt les méthodes de vente de M. Charest qui rappellent celles du «cheuf» et son slogan inoubliable: «Duplessis donne à sa province»* (Все дело в методах сбыта г-на Шапе, которые напоминают методы «шефа» и его незабываемы слоган: «Дюплесси отдает провинции») [16].

Таким образом, мы можем убедиться какие дифференциальные признаки актуализируются в первую очередь при апелляции к данному ПИ.

О вхождении имени Мориса Дюплесси в когнитивную базу квебекцев говорит и тот факт, что от данного антропонима существует множество словообразовательных дериватов в квебекском национальном варианте французского языка: *duplessiste/antiduplessiste, duplessisme/antiduplessisme, néoduplessisme, néoduplessiste, aprèsduplessisme*.

Другим видным политическим деятелем, чье имя закрепилось в фразеологизме и, таким образом, позволяет нам отнести его к разряду «прецедентных», является Луи-Жозеф Папино (*Louis-Joseph Papineau*).

Папино был известен своей высокой образованностью. Уже в возрасте 22 лет Папино вступил в парламент, а в 29 — стал главой Канадской партии. Им восхищались за ум, воспитанность и интеллигентность. Поэтому именно с его именем связано распространенное в Квебеке выражение “*ça ne prend pas la tête à Papineau*” (дословно «не нужно иметь ум Папино», т.е. не нужно быть гением), которое используется, когда речь идет о какой-то простой идее, которую несложно понять.

Приведем несколько примеров использования данного выражения в современном медийном и художественном дискурсах провинции.

Одна из статей, опубликованная на сайте центра по борьбе за права женщин в провинции, озаглавлена «*Ça prend pas la tête à Papineau pour savoir que l'austérité est unmauvaiscalcul*» (Не нужно быть гением, чтобы понять, что жесткие меры экономии — это не выход).

Другим примером послужит цитата из культового романа современного квебекского писателя Ива Бошмена (*Yves Beauchemin*) «*Le matou*»: *Florent, interloqué, hésita un moment, puis avoua son ignorance. — Eh bien, si on n'est pas venu, c'est qu'on n'a pas pu. Toc toc toc, c'est toi. Vous n'êtes pas la tête à Papineau, entre vous et moi* [10. С. 182] (Флоран, сбитый с толку, поколебался минуту, затем признался в своем незнании. — Ну, если не пришли, значит не могли. Тук тук тук, есть кто? Умом то вы не блещите, между нами говоря).

Таким образом, мы видим, что за ПИ с реалионимом не обязательно стоит некий текст или некая конкретная ситуация. За ними стоит личность, имя которой становится для представителей квебекской лингвокультуры прецедентным, т.е., как писал Д.Б. Гудков, «именем-символом». В ядро ПИ закладываются те дифференциальные признаки, которые характеризовали личность, носившую данное имя.

Интересно наблюдать особенности функционирования ПИ в квебекском лингвокультурном сообществе. Во-первых, из приведенных нами примеров становится очевидно, что прецедентное имя может использоваться в разного рода фразеологизмах и устойчивых словосочетаниях. В таком случае его реализация в дискурсе будет актуализировать дифференциальные признаки, заложенные в ядре.

Во-вторых использование ПИ в дискурсе помогает создать определенный контекст, и, таким образом, ПИ является познавательным в когнитивном и эмоциональном плане, апеллируя к определенным событиям или к целой эпохе.

В-третьих, ПИ может быть подвержено процессу словообразовательной деривации, что, как нам кажется, лишний раз подтверждает вхождение данного имени в разряд прецедентных. Словообразовательные дериваты отсылают к ПИ и заложенным в нем характеристикам.

Рассмотрим пример мифонима, функционирующего в качестве ПИ в лингвокультуре квебекцев. Личное имя персонажа культового квебекского романа «*Un homme et son péché*» (*Мужчина и его грех*) является для квебекцев прецедентным. Главный герой романа Серафим Пудрие (*Séraphin Poudrier*) был крайне жадным человеком. Подобной жадности жители провинции еще не встречали, поэтому именно данный мифоним подвергся процессу деонимизации (переход имени собственного в нарицательное). В современном французском языке Квебека существует имя нарицательное *séraphin*, которое используется для обозначения очень жадного человека.

Приведем пример из романа «*Le Matou*»: *Mais ne comptez pas sur ses bidous: il est plus séraphin que Séraphin lui-même!* [10. С. 20]. (*Даже не рассчитывайте на его деньги: он еще более жадный, чем сам Серафим!*).

В данном случае мы видим, что ПИ связано с широко известным текстом. Однако реализация данного ПИ в дискурсе в первую очередь актуализирует признак жадности, заложенный в его ядре, а не апеллирует к тексту романа. Вербализация текста (путем двойного использования ПИ), как в случае приведенного нами примера, возможна, но не является необходимой. Для понимания смысла, заложенного в данном ПИ, необязательно знакомство с текстом романа.

Предположим также, что для ряда жителей провинции значение имени нарицательного *séraphin* вполне понятно, хотя этимология может быть неясна. В таких случаях это будет объясняться не незнанием текста, так как в когнитивную базу каждого представителя квебекской лингвокультуры входит некий инвариант восприятия данного ПТ, а самостоятельностью существования и функционирования данного ПФ.

Другим вербальным ПФ является прецедентное высказывание.

Как мы говорили ранее, между всеми ПФ существует тесная взаимосвязь, и иногда однозначно сказать, о феномене какого типа идет речь в том или ином случае, крайне сложно. Как мы увидим в следующем разделе, часто за ПВ стоит некая ситуация и/или текст. В этом же разделе мы приведем пример ПВ, которое не является символом ПФ когнитивного плана.

Речь идет о распространенном в квебекском варианте французского языка выражении «*avoir l'air de la chienne à Jacques*» (дословно «выглядеть как собака Жака», т.е. очень плохо, безвкусно одеваться).

Что позволяет нам отнести это выражение к разряду прецедентных высказываний, а не фразеологизмов? Приведем симптоматичное рассуждение В.В. Красных: «И.В. Захаренко высказала предположение, с которым трудно не согласиться:

очевидно, с точки зрения диахронии, за фразеологизмами стоит прецедентная ситуация, что позволяет рассматривать некоторые такие единицы... как прецедентные высказывания, ограничивая их от собственно фразеологизмов» [6. С. 68].

Этимология этого высказывания до конца неизвестна, тем не менее одним из вариантов объяснения выступает именно ситуация, имевшая место в неопределенном прошлом.

У одного из жителей Квебека, некоего Жака Обера, была собака. Эта собака сильно болела, в результате чего у нее выпала вся шерсть. Чтобы не дать ей замерзнуть, хозяин одевал ее в свою старую одежду. Этот образ закрепился в сознании квебекцев в виде определенной оценки внешнего вида, что и нашло отражение в прецедентном высказывании.

В данном высказывании также присутствует ПИ — *Jacques*. Жак одно из доминантных имен в квебекской лингвокультуре. Это настоящее имя-символ, которое может использоваться для экспликации определенных черт характера. Личное имя Жак считается деревенским именем и, выступая в качестве имени нарицательного, обозначает «деревенщина, простак».

Приведем пример, который мы встретили в одной из статей, опубликованных на сайте научного центра, занимающегося вопросами французского языка в Квебеке. Пример взят из радиоромана «Марго» (*Margot*): «*T'as toujours les cheveux en broussailles, la barbe mal faite, les souliers pleins de taches, ça donne pas confiance aux gens, ça. Penses-tu que mon patron me garderait si j'arrivais au bureau **attriquée comme la chienne à Jacques?***» (*У тебя вечно спутанные волосы, плохо постриженная борода, грязная обувь — это все совсем не внушает доверия людям. Ты что, думаешь, что мой начальник оставил бы меня, если б я приезжала на работу в таком жутком виде?*) [17].

В этой же статье высказывается крайне интересное мнение о возможном альтернативном источнике данного ПВ. По словам автора, в XVI в. слово *jacque* обозначало броню, которую надевали на борзых, отправляясь на охоту на кабана. Собака при этом, вероятно, выглядела крайне жалко. Впоследствии *jacque* могло трансформироваться в нечто более привычное — личное имя *Jacques*.

Именно в таком значении нам встречается выражение *chienne à Jacques* в романе Алана Больё (*Alain Beaulieu*) «*Fou-Bar*»: «*Elle se mouche une dernière fois, me remercie puis s'éloigne à petits pas, piteuse comme **la chienne à Jacques***» [11. С. 186—187] (*Она высморкалась последний раз, поблагодарила меня и удалилась мелким шагом, с жалким видом*).

Отметим, как расценивают представители квебекской лингвокультуры данное выражение: «*c'est un objet culturel vivant, qui véhicule un message implicite chaque fois qu'elle est employée*» (*это живой предмет культуры, который передает имплицитно заложенную в нем информацию каждый раз, когда употребляется*) [17].

Таким образом, данное выражение, как и другие вербальные ПФ, рассмотренные в данном разделе, обладает всеми характеристиками, позволяющими отнести его к разряду прецедентных феноменов. Это высказывание — символ некоего

культурного феномена, который за ним стоит, и его реализация в речи, может и неосознанно, апеллирует к общенациональному знанию, которое хранится в когнитивной базе всех представителей данного общества.

4. ВЕРБАЛИЗУЕМЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КВЕБЕКЦЕВ

В данном разделе мы рассмотрим отдельные вербализуемые в дискурсе представителей квебекской лингвокультуры ПФ.

К вербализуемым ПФ относятся ПС и ПТ. Прецедентные ситуация и текст являются феноменами когнитивного плана. Они хранятся в когнитивной базе квебекцев в виде некоего инварианта их восприятия. Для их непосредственной актуализации в речи необходима либо их словесная реализация, либо же использование неких символов, апеллирующих к данным феноменам.

Как мы говорили ранее, одним из наиболее ярких прецедентных феноменов в квебекской лингвокультуре является имя видного политического деятеля — *Мориса Дюплесси*. С данным именем связано множество явлений, как лингвистического, так и когнитивного плана.

Одно из таких явлений — это ситуация жуткой несправедливости, имевшей место в годы правления Дюплесси и связанная с его именем. В квебекском национальном варианте французского языка существует выражение *orphelin(e) de Duplessis* или *enfant de Duplessis*, которое сейчас используется для обозначения людей, по отношению к которым существуют физические и моральные предубеждения.

Изначально под этим выражением подразумевали детей-сирот, которых в промежутки с 1930 по 1965 г. массово ложно признавали психически больными и отправляли в психлечебницы, где над ними проводились опыты.

В 90-е гг. XX в. выжившие в этой жуткой несправедливости и выпущенные из психлечебницы по достижении совершеннолетия основали общество *les Orphelins de Duplessis* и запустили кампанию по борьбе за свои права. Кампания была направлена в основном против правительства, ответственного за подделывание документов о психическом здоровье сирот и проведение над ними разного рода опытов. Представители данной организации также обвиняли церковь в причастности к данным злодеяниям. Под удар попал и Медицинский колледж Квебека (*the College of Physicians of Quebec*), который, по утверждениям жертв, участвовал в подделывании документов о состоянии психического здоровья детей-сирот.

Эта ситуация и в настоящее время реализуется в медийном дискурсе квебекцев. В качестве примера приведем заголовок одной из статей в газете *Le Devoir*: «*Les orphelins de Duplessis libérés d'unfardeau*» («*Сироты Дюплесси свободны от бремени*») [14].

Другой прецедентный феномен «*Большая тьма*» (*La grande noirceur*) также тесно связан с описываемой нами ситуацией. Именно с целью актуализации данной ПС квебекский писатель Род Вьено (*Rod Vienneau*) использует название этого

феномена в заглавии книги «*Grande noirceur*» (*Большая тьма*) с подзаголовком «*Les enfants de la Grande Noirceur. Un génocide canadien*» (*Дети «Большой тьмы». Геноцид канадцев*) [20].

Ранее мы говорили, что за большинством ПВ стоит некий феномен когнитивного плана. Именно о таком феномене сейчас будет идти речь. Разберем ПС, которая емко вербализуется в дикурсе жителей провинции посредством ПВ: «*Riel, notre frère est mort*».

Данная ситуация связана с именем выдающегося политического деятеля Луи Риэля (*Louis Riel*). Риэль — основатель провинции Манитоба, лидер канадских метисов. Именно он возглавлял серию их восстаний, в результате чего и был приговорен к казни через повешение.

Ситуация казни Луи Риэля закрепилась в сознании квебекцев как одна из самых больших несправедливостей. Так, Исмен Туссан (*Ismene Toussaint*), автор книги «*Louis Riel: Le bison de cristal: hommage*» (*Луи Риэль: хрустальный бизон: дань уважения*), озаглавил свою речь в честь запуска продаж книги: «*N'oublions pas l'une des plus grandes injustices de l'histoire*» (*Так не забудем одну из самых великих несправедливостей, имевших место в истории*) [19].

Некоторое время спустя после провозглашения Канадской конфедерации власти Оттавы начали рассматривать земли, находившиеся к западу от провинции, как продолжение своих земель. Земли, на которых проживали метисы, начали заселять англоговорящие канадцы. Прибытие новых поселенцев метисы расценили как захват территорий. В 1870 г. метисы созывают временное правительство, которое возглавляет Риэль. Во главе колонистов стоит Томас Скотт, который грозит метисам вооруженным восстанием. Попав в плен, Томас Скотт признается виновным и приговоренным к казни. Этого власти Оттавы не смогут забыть и спустя 15 лет, когда назреет новый конфликт с метисами.

В начале 1880-х гг. политика землеустройства, проводимая канадским правительством, все также угрожает населению метисов. Чтобы отстоять свои права на заселенные ими земли, метисы обращаются к Луи Риэлю, который в тот момент скрывался в Соединенных Штатах. Созывается временное правительство, которое вновь возглавляет Риэль.

После ряда военных действий войска конфедерации одерживают победу, и 16 мая 1885 г. Луи Риэль сдается властям.

Слушание дела начинается двумя месяцами позже. Суд присяжных формируется исключительно из англоговорящих протестантов. Правительство Джона А. Макдональда (премьер-министра Канады) назначает судью. Сторонники Риэля пытаются оспорить правомерность такого слушания, однако правительство отказывается прерывать слушание дела.

Защита Риэля строится на попытках признать его невменяемым. Риэль до последнего отказывается от таких утверждений, чтобы не дискредитировать действия, направленные на защиту прав метисов.

1 августа 1885 г. присяжные признают Луи Риэля виновным в государственной измене и определяют передать осужденного на милость Британской короны.

Однако судья не следует рекомендациям присяжных и приговаривает Риэля к казни через повешение.

16 ноября 1885 г. приговор вводят в силу. Вот что об этом пишет историк Пьер Руссо (*Pierre Rousseau*): «*Lorsque la nouvelle est confirmée, colère et amertume gagnent le Québec. Il est évident aux yeux de la population que Riel a été pendu parcequ'il est canadien-français et parce que l'Ontario réclamait vengeance pour la mort de Thomas Scott*» (Как только известия подтвердились, гнев и горечь наполняет всех жителей Квебека. Всему населению ясно, как Божий день, что Риэль был повешен потому, что он франкоговорящий канадец и потому, что Онтарิโอ требовало мести за смерть Томаса Скотта) [18].

Именно о такой несправедливости 22 ноября 1885 г. говорит Оноре Мерсье (*Honoré Mercier*): «*Riel, notre frère, est mort, victime de son dévouement à la cause des métis dont il était le chef, victime du fanatisme et de trahison*» (Риэль, наш брат, мертв; он пал жертвой своей преданности делу метисов, лидером которых он был; жертва фанатизма и предательства) [12. С. 190].

Часть приведенного выше высказывания стала прецедентной для представителей квебекской лингвокультуры и хранит в себе знание о ситуации жуткой несправедливости, ситуации, знакомой в том или ином виде всем жителям провинции и, таким образом, закреплённой в когнитивной базе в виде прецедентной.

Рассмотрим отдельные прецедентные тексты, закреплённые в когнитивной базе квебекцев. Приведем пример из художественного дискурса: «*Ailleurs, une caricature de Robert La Palme montre le député de Saint-Henri en vacancier en train de se faire bronzer dans une chaise longue. Il brandit une page de statistiques qui accordent seulement 34% à «l'Oignon national» (contre 58% aux libéraux). Le texte du dessin contient une allusion littéraire: «Être miniss' pour Duplessis c'est un bonheur d'occasion!»*» [15. С. 105] (Карикатура Робера Ля Пальма показывает депутата от Сан-Анри на отдыхе, загорающим на шезлонге. Он обмахивается листом, на котором изображена статистика: 34% — «Национальный союз» (против 58% либералов). Текст карикатуры содержит литературную аллюзию: «Быть министром в правление Дюплесси — потасканное счастье!»).

«*Bonheur d'occasion*» — классика квебекской литературы. Роман Габриэль Руа (*Gabrielle Roy*) повествует о жизни семьи из района Сан-Анри, Монреаль, в годы Второй мировой войны. Живое описание судеб типичных представителей рабочего класса того времени заставило многих квебекцев по-новому взглянуть на жизнь. Написанный в эпоху «Большой тьмы», роман предвещает «Тихую революцию», одним из катализаторов которой, возможно, и явился данный текст, повлиявший на самосознание квебекцев.

Если роман «*Bonheur d'occasion*» только предвещал серьезные перемены в обществе квебекцев, то следующий текст, относимый нами к прецедентным, стал символом борьбы провинции за независимость. Речь идет о сборнике стихов знакового квебекского поэта — *Le poète national* — Гастона Мирона (*Gaston Miron*) «*L'homme garillé*» (В русском переводе «*Заитопанный человек*»).

Позиция поэта четко просматривается в стихах: призыв противостоять давлению французского языка и не поддаваться унижениям, которым франко-

говорящее население Канады подвергалось долгое время. Данный ПТ символизирует становление квебекской идентичности и восстание против «режима».

Таким образом, нами были рассмотрены отдельные вербализуемые в дискурсе ПФ. ПТ и ПС, будучи феноменами когнитивного плана, хранятся в памяти в виде некоего инварианта восприятия. Именно этот инвариант, закрепленный в когнитивной базе представителей лингвокультурного сообщества, мы и постарались вербализовать, то есть выразить в словесной форме.

Исходя из приведенных нами примеров, можно сделать вывод о том, что развернутая вербализация ПФ не является необходимым условием для актуализации того или иного феномена. Феномены когнитивного плана могут актуализироваться в речи посредством использования разного рода символов, в роли которых чаще всего выступают (прецедентное) имя и/или высказывание.

Рассмотренные нами две группы ПФ тесно переплетаются между собой. Актуализация одного из них может повлечь за собой и актуализацию других ПФ, с которыми существует этимологическая связь. Поэтому, для успешной коммуникации с представителями того или иного лингвокультурного сообщества, необходимо ознакомиться с различными типами ПФ, формирующих когнитивную базу его представителей.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прецедентные феномены, рассмотренные в данной статье, носят национальный характер. Культурные явления, стоящие за каждым из этих феноменов, прочно закрепились в когнитивной базе представителей квебекской лингвокультуры. Это не значит, что данные феномены не будут встречаться в других лингвокультурных сообществах, однако в каждом из них они будут нести определенную оценочную окраску. Дифференциальные признаки, заложенные в ядре каждого ПФ, также могут значительно различаться у представителей разных культур.

Примеры из нашей картотеки, приведенные в статье, были рассмотрены в исторической перспективе. Интерпретация ПФ основывалась не только на сведениях, полученных из квебекских источников, но и на анализе исторического, экономического, политического и культурного контекста. Результаты подтверждались примерами, полученными нами при анализе этноспецифического дискурса.

В квебекском лингвокультурном сообществе присутствуют все типы прецедентных феноменов, выявляемых нами, вслед за В.В. Красных. Тем не менее ПФ в квебекской лингвокультуре обладают рядом отличительных особенностей.

За вербальными прецедентными феноменами (ПИ и ПВ) всегда стоят некие культурные явления, однако сами эти явления далеко не всегда относятся к ПФ когнитивного плана (ПТ и ПС). Рассмотрев ПИ, мы пришли к выводу, что за именами с мифонимами обычно стоит некий (прецедентный) текст. Что же касается ПИ с реалионимами, то они могут быть связаны не с конкретными (прецедентными) текстами или ситуациями, а с конкретными историческими личностями. В таком случае ПИ выступает в роли имени-символа, и его использование в дискурсе в большинстве случаев актуализирует дифференциальные признаки, заложенные в ядре.

ПВ, как и ПИ, включает в себе определенную культурную информацию. В данной работе, ПВ, за которыми стоит конкретная (прецедентная) ситуация или текст, мы расценивали как одну из форм функционирования в дискурсе ПФ когнитивного плана и рассматривали, говоря о самой ПС или ПТ. Однако если употребление выражения актуализировало дифференциальные признаки, заложенные в нем, а не апеллировало к ПС или ПТ, то мы его рассматривали как собственно ПВ.

ПФ когнитивного плана хранятся в когнитивной базе в виде некоего инварианта восприятия. Для их актуализации в речи необходима либо их вербализация, либо использование неких символов, апеллирующих к ним. В роли символов могут выступать ПФ лингвистического плана (ПИ и ПВ). Часто символы, которые отсылают нас к ПТ или ПС, сложно отнести к какому-то конкретному виду ПФ, несмотря на понимание того, что перед нами некое явление, носящее прецедентный характер.

ПФ, рассмотренные нами, обнаруживают взаимосвязь. Определенные признаки, формирующие ядро одного феномена, могут входить в периферию другого.

Таким образом, для успешного взаимодействия с представителями другого, в нашем случае квебекского, лингвокультурного сообщества необходимо изучение вербальных и вербализуемых ПФ, входящих в когнитивную базу квебекцев.

© Дата поступления: 03.03.2016

Дата принятия в печать: 26.04.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- [2] Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Пер. с нем. яз. М.: Прогресс, 1985.
- [3] Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 1. С. 82—103.
- [4] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [5] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Рус. язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73—76.
- [6] Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- [7] Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 129—132.
- [8] Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
- [9] Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование. Palmarium academic publishing, 2012.
- [10] Beauchemin Y. Le matou — Les Éditions Québec Amérique, 2002.
- [11] Beaulieu A. Fou-Bar — Les Éditions Québec Amérique, 2011.
- [12] Bédard E. L'Histoire du Québec pour les nuls. Editions First, 2015.
- [13] Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // Cognitive Psychology. 2001. № 43. P. 1—22.
- [14] Corriveau J. Les orphelins de Duplessis libérés d'un fardeau. Available at: <http://www.ledevoir.com/societe/sante/361602/les-orphelins-de-duplessis-liberes-d-un-fardeau>.

- [15] Delisle M., *Le feu de mon père* — Les Éditions du Boréal, 2014.
- [16] Legault J. *Le plan Charest*. Available at: <https://voir.ca/chroniques/voix-publique/2012/02/15/le-plan-charest>.
- [17] Poirier C. *Attriqué comme la chienne à Jacques*. Available at: http://www.tlfq.ulaval.ca/chronique/11_jacques.pdf.
- [18] Rousseau P. *Le fin mot de l'histoire: «Riel, notre frère, est mort — Honoré Mercier»*. Available at: <http://www.ledevoir.com/non-classe/34656/le-fin-mot-de-l-histoire-riel-notre-frere-est-mort-honore-mercier>.
- [19] Toussaint I. «N'oublions pas l'un des plus grandes injustices de l'histoire!» Discours de lancement de l'ouvrage «Louis Riel, le bison de cristal — hommage». Available at: http://www.louisriel.org/ArticleView.php?article_id=31.
- [20] Vienneau R. *Les enfants de la Grande Noirceur: les orphelins de Duplessis: révélations chocs par la Commission pour les victimes de crimes contre l'humanité dans le dossier des orphelins de Duplessis*. Impression, 2008.

PRECEDENT PHENOMENA IN QUEBECOIS LINGUISTIC WORLD VIEW

K.E. Bolotina

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the linguocultural analysis of precedent phenomena as parts of Quebecois' cognitive base. Precedent phenomena being cultural facts are one of the key issues in modern linguistic and cognitive studies. By precedent phenomena we mean, according to Y.E. Prohorov, such entities when verbalized in discourse that refer to a certain cultural fact behind them. In the article the precedent phenomena such as precedent text, precedent situation, precedent utterance, and precedent name are analyzed. The main theses of the precedence theory given in the article (Y.N. Karaulov, Y.E. Prohorov, V.V. Krasnyh, D.B. Gudkov) are at the heart of precedence studies on the basis of different languages. However, a complex analysis of precedent phenomena in the Quebec national variant of French is new to Russian linguistics. The study of precedent phenomena enables us to elicit features of their functioning in ethnospecific discourse and determine cultural dominants existing in Quebecois' linguistic world view. Given the fact that the size of the article is limited, we undertook the analysis of eight precedent phenomena of the bearers of Quebec linguoculture. The choice of phenomena is determined by the frequency of their use in discourse. The facts analyzed are of national character, i.e. known to all members of the linguocultural community. A certain cultural fact is at the very core of each precedent phenomenon given in the article. To get the whole picture we analysed historic, political, and cultural context connected to the precedent phenomena in question. The study enables us to elicit distinctive features that are at the core of each phenomenon. The results are backed with the supportive material drawn from analysis of different types of discourse. The analysis of precedent phenomena undertaken in this article allows us to reconstruct, to a certain extent, Quebec cultural space and is a stepping stone to the reconstruction of the Quebecois linguistic world view.

Key words: precedent phenomenon, cognitive base, ethnospecific discourse, linguistic world view, Quebec national variant of French.

REFERENCES

- [1] Gudkov D.B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and practice of intercultural communication]. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
- [2] Humboldt W. Jazyk i filosofijakul'tury. Per. s nem. jaz [Language and philosophy of culture]. M.: Progress, 1985.
- [3] Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoeimja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvolj precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. statej*. Ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov [Language, perception, communication: collection of articles/ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov]. M.: Filologija, 1998. №. 1. P. 82—103.
- [4] Karaulov Ju.N. Russkijjazyk i jazykovajalichnost'. Izd. 7-e. [Russian language and linguistic identity. 7th ed.]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
- [5] Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Kak teksty stanovjatsja precedentnymi [The way texts become precedent]. *Rus. jazyk za rubezhom. [Russian language abroad]*. 1994. No 1. P. 73—76.
- [6] Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurslekcij. [Ethnopsycholinguistics and lingvoculturology]. M.: ITDGK «Gnozis», 2002.
- [7] Lotman Ju.M. Izbrannyestat'i. [Selected papers] T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 129—132.
- [8] Prohorov Ju.E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs: Uchebnoe posobie [Reality. Text. Discourse]. M.: Flinta: Nauka, 2004.
- [9] Chesnokova O.S. Ispanskij jazyk Meksiki: lingvokul'turologicheskoe issledovanie [Mexican Spanish; lingvocultural study]. Palmarium academic publishing, 2012.
- [10] Beauchemin Y. Le matou — Les Éditions Québec Amérique, 2002.
- [11] Beaulieu A. Fou-Bar — Les Éditions Québec Amérique, 2011.
- [12] Bédard E. L'Histoire du Québec pour les nuls. Editions First, 2015.
- [13] Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. *Cognitive Psychology*. 2001. № 43. P. 1—22.
- [14] Coriveau J. Les orphelin de Duplessis libérés d'un fardeau. Available at: <http://www.ledevoir.com/societe/sante/361602/les-orphelins-de-duplessis-liberes-d-un-fardeau>.
- [15] Delisle M. Le feu de mon père — Les Éditions du Boréal, 2014.
- [16] Legault J. Le plan Charest. Available at: <https://voir.ca/chroniques/voix-publique/2012/02/15/le-plan-charest>.
- [17] Poirier C. Attribué comme la chienne à Jacques. Available at: http://www.tlfq.ulaval.ca/chronique/11_jacques.pdf.
- [18] Rousseau P. Le fin mot de l'histoire: «Riel, notre frère, est mort — Honoré Mercier». Available at: <http://www.ledevoir.com/non-classe/34656/le-fin-mot-de-l-histoire-riel-notre-frere-est-mort-honore-mercier>.
- [19] Toussaint I. «N'oublions pas l'unedes plus grandes injustices de l'histoire!» Discours de lancement de l'ouvrage «Louis Riel, le bison de cristal — hommage». Available at: http://www.louisriel.org/ArticleView.php?article_id=31.
- [20] Vienneau R. Les enfants de la Grande Noirceur: les orphelins de Duplessis: révélations chocs par la Commission pour les victimes de crimes contre l'humanité dans le dossier des orphelins de Duplessis. Impréssion, 2008.